

признание христианства, которое, таким образом, становится идеологической надстройкой поздне рабовладельческого общества.

Несмотря на наличие в римском обществе IV в. некоторых элементов, которые формально могут быть названы феодальными (крупное землевладение в соединении с мелким землепользованием, патронат, закрепощение сословий и др.), это общество все еще оставалось рабовладельческим. Кризис III в. нельзя считать революцией, положившей конец рабовладельческим отношениям и создавшей феодализм, как полагают некоторые исследователи. И сами эти феодальные элементы, которые некоторые историки обнаруживают в IV в., могут считаться таковыми лишь по внешнему сходству. Особенно это заметно на колонате. «Предшественники средневековых крепостных» (Энгельс) были ими лишь в той степени, в какой отношения колоната позднее оказали влияние на развитие собственно феодальной зависимости. В действительности же колонат III—IV вв. был модификацией рабства, попыткой привести производственные отношения в соответствие с уровнем и характером производительных сил. То же самое нужно сказать и о других квазифеодальных элементах поздне римского общества, которые правильнее назвать римскими предпосылками феодализма, ускорившими его образование у племен, занявших территорию римской империи.

VIII. Падение Западной римской империи. (Середина IV в. — середина V в.)

С середины IV в. Рим снова вступает в полосу обострения кризиса. Движущие силы этого периода кризиса оставались теми же самыми, что и в предыдущие периоды. Однако нужно отметить возрастающую роль «варваров» в падении западной половины империи и их все более тесный контакт с внутренними революционными силами римского общества. Этот последний период завершил социальную революцию, начавшуюся во второй половине II в. и закончившуюся в западной половине Средиземноморья вместе с разрушением империи. Определить этот последний момент какой-нибудь точной хронологической датой невозможно. Приблизительным концом римской государственности на Западе следует считать середину V в., когда основные части западной половины империи были заняты варварскими племенами. Падение рабовладельческой формации в восточной половине империи затянулось на более долгий срок и протекало в несколько иных формах. Поэтому и определение последних периодов рабовладельческой эпохи в Византии требует специального исследования.

Проф. С. И. Ковалев

ДИСКУССИЯ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КИТАЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВЭНЬШИЧЖЭ»

(Краткое изложение)

Обсуждение основных вопросов истории древнего Китая привлекает в последние годы внимание широких кругов историков¹. В этой связи большой интерес вызывает дискуссия о периодизации истории древнего Китая, происходившая среди преподавателей исторического факультета Шаньдунского университета в г. Циндао. Высказанные участниками дискуссии взгляды отражены на страницах издающегося этим университетом журнала «Вэньшичжэ» («Литература, история, философия»)². Ос-

¹ Некоторые точки зрения, выдвинутые в ходе обсуждения, освещены в статье «Го Мо-жо — историк древнего Китая», ВДИ, 1952, № 1, и в сообщении Д. З. «Вопросы древней истории Китая в журнале „Синьцзяньшэ“», ВДИ, 1952, № 4; см. также рецензию В. А. Рубина на книгу Ху Вай-лу «История древнекитайского общества», ВДИ, 1953, № 4.

² «Вэньшичжэ», 1955, № 1, стр. 41—56.

новой для обмена мнений послужил доклад Тун Шу-е «К вопросу о периодизации древнекитайской истории».

Доклад Тун Шу-е начинается с сообщения о том, что автор сам ранее придерживался взгляда, согласно которому с XI в. до н. э., т. е. с начала Западного Чжоу, в древнем Китае господствовали феодальные производственные отношения. Однако после того, как чтение курса истории древнего мира заставило его заняться серьезным изучением литературы и источников по истории древности вообще и древнего Востока в особенности, он коренным образом пересмотрел свои взгляды на периодизацию истории древнего Китая и пришел к выводу, что с эпохи Ся (по древней традиции XXIII—XVIII вв. до н. э.) или во всяком случае с эпохи Инь (XVII—XI вв. до н. э.) и до конца периода Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.) в Китае было раннерабовладельческое общество. Эпоха развитого рабовладения началась с V века до н. э. и продолжалась до III века н. э., захватывая периоды Чжаньго (V—III вв. до н. э.), Цинь (246—207 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). С III века н. э. в Китае начинается господствовать феодализм. В определении периода развитого рабовладения и перехода к феодализму этот взгляд Тун Шу-е в общем совпадает со взглядами, высказывавшимися рядом советских историков¹.

Тун Шу-е останавливается на двух вопросах, имеющих, как он считает, основное значение для решения проблемы периодизации истории древнего Китая, а именно: о сущности системы распределения владений и системы «цзунфа» в древнем Китае и о характере экономики Китая в V в. до н. э.— III в. н. э.

Замечая, что многие историки исходили при определении общественного строя древнего Китая из системы распределения владений, внешне напоминающей систему феодальной иерархии средневековой Европы, Тун Шу-е подчеркивает, что древнекитайская система распределения владений имела совершенно иной социальный характер. Возникла она уже в эпоху Инь, но недостаток источников не позволяет точно определить ее сущность в этот начальный период.

В период своего расцвета (Западное Чжоу — XI—VIII вв. до н. э.) система распределения владений была системой племенной колонизации. «Чжоусцы, захватив государство Инь и обширную территорию на востоке, для удобства управления стали раздавать завоеванные земли вместе с жившим на них населением родственникам вана и его заслуженным приближенным. Знать, наделенная такими владениями, безусловно, была родовой знатью. Патриархальные семьи этой знати переселялись в отведенные им районы вместе со своими рабами. Здесь они осуществляли племенное военное господство» (стр. 43).

Тун Шу-е считает, что отдельные государства, на которые делилась территория древнего Китая, еще сохраняли на себе племенной отпечаток. Управлявшая ими знать владела большим количеством рабов. Поэтому систему распределения владений XI—VIII вв. до н. э. нужно считать раннерабовладельческой, а не феодальной. Докладчик отмечает, что в период Чуньцю эта система постепенно начала отмирать, а в период Чжаньго сохранились лишь ее остатки.

В основе системы «цзунфа» лежал порядок наследования, принятый в среде чжоуской знати². При этом вся чжоуская аристократия рассматривалась как один большой род, возглавлявшийся верховным родовым старейшиной — «сыном неба». Полноправ-

¹ См. В. И. Авдиев, История древнего Востока, М., 1953, стр. 569—665; «История древнего мира» под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского, М., 1952, стр. 220—222; Л. В. Симоновская, Вопросы периодизации древней истории Китая, ВДИ, 1950, № 1; Т. В. Степугина, О способах порабощения в древнем Китае во времена империи Цинь и ранних Хань, «Сб. статей по истории стран Дальнего Востока», М., 1952.

² Этот же порядок был принят и в тех государствах древнего Китая, в которых у власти стояли князья, не связанные родством с правившим родом чжоуского племени.

ным наследником в каждой семье считался старший сын от законной жены. Остальные сыновья занимали по отношению к нему низшее положение. Если это были сыновья «сына неба», то они становились «чжухоу» (князьями); если это были сыновья «чжухоу», то они делались «дафу», т. е. пополняли средний слой знати. Сыновья «дафу» становились рядовыми представителями знати «ши». Из этих прослоек знати в XI—VIII вв до н. э. вербовался государственный аппарат. В известной мере этот порядок сохранился до V века до н. э. Отношения родства членов рода к родоначальнику определяли высоту их положения в чжоуской служебной иерархии.

Тун Шу-е подчеркивает, что традиции большой патриархальной семьи, сохранявшиеся в знатных родах древнекитайского общества, отражаясь на порядке распределения владений, накладывали патриархальный отпечаток на всю структуру государственного аппарата Западного Чжоу и Чунью. Докладчик отмечает, что большая патриархальная семья была характерна для рабовладельческого древнего Китая так же, как и для ряда других рабовладельческих обществ, например древней Ассирии и Индии. Все это, по мнению Тун Шу-е, позволяет считать систему распределения владений XI—VIII вв. до н. э. раннерабовладельческой, а не феодальной.

Далее Тун Шу-е кратко характеризует систему «цзинтянь». Под этим названием обычно понимается описанная в сочинении известного конфуцианского философа Мэн-цзы (372—289 гг. до н. э.) система землеустройства, при которой земля делилась на квадратные поля. Девять таких полей составляли большой квадрат, напоминающий иероглиф «цзин». В этом квадрате восемь полей, расположенных по краям, обрабатывались крестьянами для себя; урожай с поля, расположенного в центре и совместно обрабатывавшегося всеми крестьянами, шел властителю. Мэн-цзы говорил, что так распределялась земля в эпохи Инь и Чжоу (эпохой Чжоу Мэн-цзы называл перипод, получивший позже название Западного Чжоу), с той разницей, что в эпоху Инь в каждом поле было 70 му, а в эпоху Чжоу — 100 му. Он считал, что такой способ разделения земли обеспечивает интересы и крестьян и властителя и что правильное распределение земли является основой гуманной политики и здоровой морали.

Специалисты по истории древнего Китая высказывали весьма различные взгляды по вопросу о системе «цзинтянь». В настоящее время большинство ученых сходятся на том, что описание Мэн-цзы имеет под собой реальную почву, хотя и не отражает многообразия и сложности аграрных отношений древнего Китая¹. Некоторыми историками высказывается взгляд, что такой системы вообще никогда не существовало, что это утопия, созданная Мэн-цзы и выданная им за принятый в древности порядок².

Тун Шу-е считает, что «цзинтянь» — система земледелия сельской общины. Мэн-цзы дает крайне идеализированное изображение этой общины. В действительности, так же как и в других древневосточных странах, обрабатывавшие землю общинники здесь подвергались необычайно жестокой эксплуатации. Тун Шу-е считает, что известное указание Маркса на распространенное в странах Востока «поголовное рабство»³ следует понимать так, что в древневосточных обществах труд свободных людей был близок к рабскому труду. Поэтому только условно можно называть древневосточных общинников свободными.

Переходя к анализу экономики древнего Китая V в. до н. э. — III в. н. э., Тун Шу-е замечает, что если формы общества XI—V вв. до н. э., действительно, внешне

¹ См. Го Мо-жо, Чжоуское общество по стихам о сельском хозяйстве эпохи Чжоу в сб. «Бронзовый век», Пекин, 1954, стр. 125 (на кит. яз.); Ян Сян-куй, Экономический строй государства Ци в доциньскую эпоху, «Вэньпичжэ», 1954, № 11 (на кит. яз.).

² Ли Ян-нун, Рабовладение и феодализм в Китае, Шанхай, 1954, стр. 74—80 (на кит. яз.).

³ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Госполитиздат, 1940, стр. 30.

напоминают феодализм (по его мнению, внешнее сходство с феодализмом вообще при- сущее обществам, переживающим переход от родового строя к начальному периоду ра- бовладения), то феодальный характер общества V в. до н.э.—III в. н. э. настолько сомнителен и трудно доказуем, что многие старые историки приходили к выводу, что именно в эту эпоху в Китае феодализм исчез, чтобы снова возродиться в эпоху Вей— Цзинь (III—V вв. н. э.). Но определить классовый характер общества V в. до н. э.— III в. н. э. эти историки не смогли. Тун Шу-е доказывает, что общество этой эпохи нужно определять как развитое восточное рабовладельческое общество.

Переход древнекитайского общества к этапу развитого рабовладения докладчик связывает с резким скачком в развитии производительных сил, имевшим место в Китае приблизительно в V в. до н. э. Важнейшее значение имело то, что в это время широко распространилось применение железных орудий. До сих пор еще точно неизвестно, когда в Китае появились железные орудия. Но их наличие во вторую половину периода Чуньцю не подвергается сомнению. В период Чжаньго стали широко применяться сельскохозяйственные орудия из железа, в то время как оружие все еще делалось из бронзы. Большой прогресс техники плавки железа был достигнут, повидимому, лишь к концу периода Чжаньго. Огромное значение в деле подъема производительных сил имело и то, что с конца периода Чуньцю стал входить в употребление плуг, началось строительство ирригационных сооружений и стали все шире применяться удобрения. Быстрое развитие производительных сил, способствовавшее процветанию городов и торговли, не могло не отразиться на производственных отношениях: от патриархального рабства с формами, еще более примитивными, чем в древнем Египте и в Двуречье, Китай совершил прыжок к рабовладению, приближавшемуся по уровню развития к античному.

Интересно, что заметный сдвиг в развитии рабовладения в период Чжаньго, как показывает Тун Шу-е, отмечался китайскими учеными еще несколько десятков лет назад. Так, известный историк, один из лидеров движения за конституционные реформы конца XIX века, Лян Ци-чао в своей «Истории китайской культуры» писал, что V век до н. э. является рубежом в истории древнекитайского рабовладения. Если до этого число рабов было сравнительно невелико, принадлежали они почти исключительно крупной аристократии и эксплуатация их в производстве была мало распространена, то после V в. до н. э. число рабов резко возрастает и труд их в больших масштабах начинает применяться в производстве.

Докладчик ставит два вопроса, ответ на которые особенно важен для характери- стики рабовладения V в. до н. э.— III в. н. э.: 1) количество рабов, 2) применение рабского труда в производстве.

Тун Шу-е считает, что в эпоху расцвета рабовладельческой экономики при Старшей Ханьской династии число рабов превышало 10 млн. человек. Общее население Китая того времени равнялось 50—60 млн. человек. Следовательно, рабы составляли около 20% общего населения страны.

Правильность этого подсчета автор доказывает следующими соображениями. Имущество человека в то время измерялось прежде всего числом принадлежавших ему рабов и полей. Источники показывают, что число рабов у особенно богатых людей до- ходило до тысячи, а иногда и превышало эту цифру. Автор цитирует из экономического раздела «Истории династии Старшей Хань» принятый при императоре Ай-ди (6 г. до н. э.— 1 г. н. э.) указ об ограничении рабовладения, согласно которому число рабов, принадлежащих родственникам императора, не могло превышать 200, представители высшей аристократии и сановники не могли иметь больше 100 рабов, остальное на- селение — больше 30. Автор замечает, что само появление такого указа говорит о том, что число рабов, имевшееся в действительности у упомянутых категорий людей, вероятно, превышало этот максимум.

Приведя ряд отрывков из «Истории династии Старшей Хань», показывающих, что в Китае к началу нашей эры число богатых семейств достигало нескольких сот тысяч, Тун Шу-е пишет: «В настоящее время в общих чертах минимальное число ра- бов можно определить следующим образом: если считать, что к началу нашей эры

было 300 тыс. богатых семейств и у каждого из них в среднем было по 30 рабов, то получается, что в то время было 9 млн. рабов. А если еще прибавить сюда государственных рабов, которых было не меньше миллиона, и рабов, принадлежавших сановникам и высшей аристократии, то общее число рабов будет не меньше 10 млн.» (стр. 48).

Таким образом, число рабов в эпоху Хань, по мнению Тун Шу-е, составляло от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{5}$ всего населения. Возражая историкам, которые считают, что рабовладельческий строй существовал только там, где рабы численно превосходили свободных, докладчик отмечает, что в странах древнего Востока количество рабов, как правило, не превосходило свободных. Рабов было больше, чем свободных в древней Греции и Риме. Но даже и в этих странах бурному развитию рабовладения предшествовали периоды, когда свободных было больше, чем рабов. В эпоху Хань экономическое развитие различных районов страны было неравномерно. В экономически передовых районах (например, в окрестностях крупных городов) удельный вес рабов был выше. Здесь, по видимому, число рабов превышало число свободных. Иное положение было в экономически отсталых районах.

Тун Шу-е замечает, что количественный подход в данном вопросе принципиально неправилен. Ведь далеко не во всех капиталистических странах число рабочих превосходит число крестьян. Поэтому нельзя требовать, чтобы в рабовладельческом обществе число рабов обязательно превосходило число свободных. Необходимо лишь, чтобы рабовладельческие производственные отношения стали ведущими в данную эпоху и чтобы они играли определяющую роль в развитии общественной экономики в целом.

Докладчик обращается далее к данным о применении рабского труда в производстве. Он отмечает, что труд рабов в V в. до н. э.— III в. н. э. использовался в основном в ремесле и в горном деле. В меньших масштабах эксплуатировали рабов в земледелии, в животноводстве и в торговле. Государственных рабов использовали на земляных работах, на строительстве укреплений, дорог и т. д. Применялся рабский труд и в домашнем хозяйстве.

Некоторые ученые доказывают, что общество эпохи Хань не было рабовладельческим обществом, так как рабы в это время мало использовались в сельском хозяйстве и, следовательно, не были заняты в основной отрасли производства. Тун Шу-е отвечает на это, что важнейшим явлением развития экономики Китая в V в. до н. э.— III в. н. э. является развитие ремесла и торговли, и именно в ремесле рабский труд находил наибольшее применение. Неправильно было бы говорить, что преобладание земледелия является извечной особенностью одних стран, а преобладание ремесла и торговли — особенностью других; на самом деле и аграрные страны переживают периоды значительного развития ремесла и торговли. Докладчик считает, что ремесло и торговля, как правило, бывают сравнительно высоко развиты в аграрных странах в эпоху развитого рабовладения и позднего феодализма.

Тун Шу-е высказывает взгляд, что использование больших масс рабов в сельском хозяйстве вообще не может быть продолжительным. Эксплуатация рабов в масштабах крупных земледельческих хозяйств встречает такие значительные трудности, что рабовладельцам приходится переходить на мелкое сельское хозяйство, что и является началом превращения рабов в крепостных.

Докладчик отмечает, что частное рабовладение в V в. до н. э.— III в. н. э. играло гораздо более значительную роль в экономике Китая, чем государственное рабовладение, которое в это время уже приходило в упадок. Особенно большое значение для хозяйственного развития этой эпохи имела эксплуатация рабов, принадлежавших владельцам ремесленных мастерских и купцам.

Основным источником рабства в V в. до н. э.— III в. н. э. было порабощение за долги и за преступления. Процент военнопленных среди рабов был сравнительно невелик. Развитие рабовладения в Китае не могло быть основано на ввозе рабов-чужеземцев потому, что окружающие Китай племена были слишком немногочисленны по сравнению с населением Китая. Большая часть рабов (в особенности в эпоху Хань) состояла из китайцев. Ссылаясь на работы советских ученых, показавших, что развитие долгового рабства является важной причиной того, что восточные рабовладель-

ческие государства не достигли той ступени зрелого рабовладения, которой достигли античная Греция и Рим, Тун Шу-е замечает, что это полностью относится и к древнему Китаю.

Особенностью древнекитайской классической экономики было необычайно широкое распространение арендных отношений. Исходя из этого, некоторые историки утверждали, что в V в. до н. э.— III в. н. э. в Китае был не рабовладельческий, а феодальный строй. Тун Шу-е показывает, что рабовладельческий строй не исключает земельной аренды. Энгельс отмечал наличие земельной аренды в ранней Аттике¹. Для восточного рабовладельческого общества земельная аренда была нормальным явлением: об этом говорит ряд статей кодекса Хаммурапи, арендные отношения имели место и в позднем Египте.

Наряду с арендаторами в древнем Китае существовал и слой мелких самостоятельных земледельцев — крестьян. Они были «средним классом» в рабовладельческом обществе. Развитие рабовладельческой экономики доводило их до разорения. Многие из них превращались в арендаторов, а арендаторы, постепенно попадая в зависимость от землевладельцев, становились, наконец, их крепостными. С развитием феодализма превращались в крепостных и самостоятельные крестьяне.

Тун Шу-е отмечает, что до периода Чжаньго вопрос о рабах в Китае ни разу не ставился в качестве острого социального вопроса. В эпоху Хань вопросы о земле и о рабах обсуждаются как важнейшие социальные проблемы.

Докладчик отмечает, что основным явлением классовой борьбы в восточном рабовладельческом обществе была борьба между богатыми и бедными. Рабских восстаний встречается в истории древнего Востока очень мало, и в них участвовало мало рабов. Тун Шу-е отмечает, что эта особенность истории древнего Востока хорошо разъяснена советскими историками, показавшими, что такой характер носила классовая борьба в ряде древневосточных стран. Эта закономерность истории древнего Востока прослеживается и в Китае V в. до н. э.— III в. н. э. Поэтому, если источники указывают на восстания, в которых основной движущей силой была беднота (главным образом неимущие крестьяне), и не указывают на рабские восстания, то отсюда далеко еще не следует, что общество V в. до н. э.— III в. н. э. было не рабовладельческим по своему характеру.

Остановившаяся на процессе образования феодализма в Китае, Тун Шу-е считает, что элементы феодализма начали появляться в Китае уже с эпохи расцвета рабовладения, в период правления императора У-ди (140—87 гг. до н. э.). Рост производительных сил в сельском хозяйстве привел в конечном счете к тому, что им перестали соответствовать рабовладельческие производственные отношения. Государственная власть династии Восточной (или Младшей) Хань (23—220 гг. н. э.) уже носила феодальную окраску. Однако силы рабовладельческой экономики в то время были еще очень значительны, и феодальное хозяйство еще не одержало над ней окончательной победы. Появление к концу эпохи Хань категорий зависимых крестьян «буной» и «дянькэ», распад империи — эти явления типичны для начала феодального общества.

Тун Шу-е указывает на то, что если реформы Ван Мана (9—22 гг.) еще говорят о земле и о рабах, то в эпоху Цзинь (III—V вв.) начинают при помощи законов регулировать землю и число зависимых «дянькэ». Это свидетельствует об уже совершившемся переходе к феодализму.

Большое внимание в своем докладе Тун Шу-е уделяет общетеоретическим вопросам. Рассматривая вопрос о двух этапах развития рабовладельческого общества, он следующим образом резюмирует взгляды советских историков²: «Характерными особенностями раннего рабовладения являются: сравнительно низкое развитие произво-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 114.

² Тун Шу-е принимает за основу характеристику двух этапов рабовладения в статье «История древнего мира во „Всемирной истории“», ВДИ, 1952, № 1, стр. 3—16.

дительных сил, патриархальное и долговое рабство, широкая прослойка мелких производителей, невысокое развитие торговли, остатки общинной собственности, деспотизм, примитивный уровень культуры. Характерными особенностями развитого рабовладения являются: сравнительно высокий уровень развития производительных сил, классические формы рабовладения, товарное производство, использующее рабский труд, отмена долгового рабства, вытеснение свободного труда, развитие люмпенпролетариата, высокое развитие торговли, развитие частной собственности, рабовладельческая демократия, высокое развитие культуры» (стр. 46).

Тун Шу-е считает, что в эту схему необходимо внести некоторые коррективы и дополнения, учитывающие специфику древневосточных обществ.

Историю некоторых древневосточных государств, по его мнению, также можно разделить на два этапа: этап примитивного рабовладения и этап развитого рабовладения. «Хотя в основном восточное примитивное рабовладение соответствует тому, что советские ученые считают раннерабовладельческим обществом, но эти восточные общества еще несколько примитивнее по своему характеру... Так, например, долговое рабство на Востоке является сравнительно поздним явлением» (стр. 46). Докладчик намечает следующие признаки примитивного рабовладения на Востоке: 1) основные орудия труда медные, и некоторые страны даже не вступили в этап бронзового века; 2) в производстве главную роль играет сельское хозяйство, ремесло подчинено сельскому хозяйству; 3) торговля и обмен не развиты, города еще не достигли расцвета; 4) количество рабов незначительно, большинство их принадлежит властителю или знати; 5) рабы почти не эксплуатируются в качестве основных производителей материальных благ, их большей частью используют для выполнения различных обязанностей в домашнем хозяйстве или на подсобных работах; 6) основные производители — члены семейной или сельской общины, они подвергаются крайне жестокой эксплуатации; 7) земля либо принадлежит государству, либо право владения ею принадлежит знати; 8) частная собственность не развита; 9) для политического строя характерны патриархальная деспотия и господство родовой знати; 10) наука и культура носят религиозный характер.

Эти особенности свойственны Древнему царству Египта, Шумеру, Китаю до V в. до н. э., Индии до империи Магадхи. К этому же социальному типу относятся Ассирия до XIII в. и Хеттское царство до XV в. до н. э.

Далее Тун Шу-е указывает особенности развитого восточного рабовладения, состоящие, по его мнению, в следующем: 1) вместо бронзовых орудий производства начинают применяться железные, наблюдается общий подъем техники производства; 2) начинает развиваться ремесло, постепенно отделяющееся от земледелия; 3) развивается торговля, процветают города; 4) значительно возрастает число рабов, среди свободного населения широко распространяется частное рабовладение; 5) начинает развиваться эксплуатация рабов в основных отраслях производства, но попрежнему ясно прослеживаются примитивные формы патриархального рабства; 6) постепенно разлагается община, и все больше увеличивается расстояние между богатыми и бедными, появляются и развиваются прослойки самостоятельных мелких рабовладельцев, долговых рабов, наемных работников и земледельцев-арендаторов; 7) земля постепенно переходит в частную собственность и становится объектом свободной купли-продажи; 8) происходит общее развитие частнособственнического хозяйства; 9) появляется в высокой степени централизованное деспотическое государство, родовая аристократия заменяется недавно создавшейся бюрократией; 10) создается новая идеология и делаются первые шаги по пути развития естественных наук.

Эти черты характерны для Египта, начиная со Среднего царства, для Вавилона, начиная с аккадской эпохи, для древней Индии, начиная с империи Магадхи, для Китая V в. до н. э. — III в. н. э. В основном к этому же типу относятся Ассирия после XIII в. и Хеттское царство после XV в. до н. э.

Тун Шу-е отмечает, что вопреки распространенному взгляду, согласно которому на древнем Востоке преобладало патриархальное рабство, а в классической древности рабы были заняты в производстве, в действительности на Востоке была эпоха,

сравнительно близкая по развитию рабовладения к классической древности. «На этом этапе восточное рабовладение настолько напоминает древнегреческое и римское рабовладение, что его можно отнести к типу классической экономики. Так называемая „классическая экономика“ характеризуется развитым рабовладением и процветанием торговли и городов. Восточная классическая экономика отличается от греческой и римской тем, что при всем развитии рабовладения число рабов едва ли превышало число свободных. Несмотря на то, что рабы участвовали в производстве, их труд не мог целиком вытеснить свободный труд. Кроме того, долговое рабство не было отменено, и основным источником рабства было порабощение соплеменников. При всем развитии рабовладения, так до конца и не удалось порвать с патриархальным рабством (а тем самым и с типом раннего рабовладения). При всем развитии ремесла, торговли и городов, так до конца и не удалось порвать с примитивным натуральным хозяйством. Тем более не могла быть полностью устранена община. Древневосточное развитие рабовладения не является чистой и зрелой формой классической экономики» (стр. 47).

Доклад Тун Шу-е вызвал оживленную дискуссию. В этом же номере журнала помещен текст выступления Ян Сян-куя на обсуждении доклада, состоявшемся 13 ноября 1954 г., а также краткие записи выступлений еще восьми историков, участвовавших в дискуссии. Коротко отметим наиболее существенные моменты в высказываниях выступавших.

Ян Сян-куй возражал против характеристики, которую дает докладчик сельской общине периода Западного Чжоу—Чунью. Он считает, что на самом деле сельскую общину этого периода нужно считать не раннерабовладельческим, а раннефеодальным явлением, так как она использовалась феодалами для того, чтобы выжимать из крестьянства дань в форме продуктов. Ян Сян-куй считает, что в этот период в древнекитайском обществе, наряду со свободными общинниками, появились крепостные, основной формой эксплуатации которых была отработочная рента.

Возражал Ян Сян-куй и против характеристики, которую дает докладчик обществу V в. до н. э. — III в. н. э. Он считает неправильным приводимый Тун Шу-е подсчет количества рабов, так как в этом подсчете, по его мнению, не отражается неравномерность развития древнекитайского общества. В то время, как в основных районах Китая эпохи Хань была уже развитая феодальная экономика, в остальных районах (например, в нынешней провинции Сычуань) сохранились еще значительные остатки рабовладения.

Ян Сян-куй призывает не забывать о неравномерности развития древнекитайского общества. Он говорит, что в древнем Китае наблюдается такое разнообразие общественных форм и явлений, что часто с большим трудом удается обобщить их, подвести под одну формулу. Учитывая это, нужно, по его мнению, признать невыполнимой задачу отыскания закономерностей развития всех древневосточных государств.

В противовес этому взгляду, Хань Лянь-ци и Чжан Вэй-хуа приветствовали стремление Тун Шу-е осветить историю древнего Китая в плане сравнения с другими странами древнего Востока. Чжан Вэй-хуа отметил, что Тун Шу-е обобщил в докладе взгляды части преподавателей исторического факультета Шаньдунского университета. Будучи в основном согласен с периодизацией докладчика, Чжан Вэй-хуа останавливается на некоторых недостатках доклада.

В докладе, по его мнению, нет конкретного разрешения вопроса о производстве и производственных отношениях до V в. до н. э., не показано зарождение рабства, не дано характеристики отдельных категорий рабов и их положения, не показано положение и отдельных прослоек свободных людей. Докладчик, определяя количество рабов в V в. до н. э. — III в. н. э., не говорит, где и как использовался труд рабов и не дает конкретной характеристики других слоев общества этой эпохи. При освещении характера древнекитайского общества, отмечая его сходство с другими древневосточными обществами, докладчик должен был более конкретно показать специфические особенности, отличающие Китай от других стран древнего Востока.

Хань Лянь-ци выразил согласие с докладчиком в том, что в V—III вв. до н. э. рабовладение не только не разложилось, но укрепилось. Он считает, однако, что развитие рабовладения, в особенности же появление больших масс долговых рабов, еще не является достаточным основанием для утверждения, что в это время был достигнут этап классического рабовладения. Для того чтобы подтвердить такую точку зрения, следовало бы, по его мнению, определить роль, которую рабы играли в производстве, учитывая при этом наличие огромного слоя крестьянства. До тех пор, пока такое исследование не проделано, Хань Лянь-ци резервирует свою точку зрения на схему периодизации докладчика.

Хань Лянь-ци отмечает как недостаток доклада и то, что Тун Шу-е слишком схематически определил способ производства до V в. до н. э. Не говоря уже о том, что докладчик не коснулся вопроса об уровне рабовладения в эпоху Инь, он не дал анализа значения терминов «чэнь», «чжун», «ли» и «шужэнь», встречающихся в надписях на бронзовых сосудах, и терминов «шужэнь», «шунфу», «чжун» и «минь», встречающихся в Шу-цзине, Шп-цзине и Чжоу-ли. Без такого анализа невозможно серьезное исследование общественного строя той эпохи.

В основном присоединяется к точке зрения докладчика и Ван Чжун-ло. Однако так же, как Хань Лянь-ци, он считает неоправданной характеристику рабовладения V в. до н. э. — III в. н. э. как классического. Он говорит, что при наличии долгового рабства рабовладельческий строй в древнем Китае не мог достигнуть ступени классического античного рабовладения.

В рамках настоящего обзора не представляется возможным более подробное изложение дискуссии, показывающей, насколько интенсивно разрабатывают китайские историки проблемы развития древнекитайского общества. В заключение отметим лишь, что из девяти участников дискуссии, взгляды которых на проблемы истории древнего Китая нашли отражение на страницах журнала, трое (Ван Чжун-ло, Ван Яо-жу, Чжан Вэй-хуа) в основном согласились с общей схемой периодизации, предложенной докладчиком. У двух человек (Лу Нань-цзяо, Ян Сян-куй) эта схема вызвала принципиальные возражения. Остальные четверо (Ван Чжи-фан, Хань Лянь-ци, Хуан Юнь-мэй, Чжэн Хао-шэн) заявили, что вопрос до сих пор остается для них открытым.

В. А. Рубин

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЕГИПТА И РАС-ШАМРЫ В СЕРЕДИНЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. ПО ПАМЯТНИКАМ ИСКУССТВА

Вопрос о взаимосвязях Египта с Сирией в середине второго тысячелетия до н. э. на материале изобразительного искусства ставился в нашей науке лишь в сводных работах. Между тем он заслуживает глубокого и пристального изучения, ибо сфера воздействия Египта на всю художественную культуру Сирии и наоборот была очень значительна и далеко еще не оценена в должной мере. Связь эта показывается мной на ряде образцов искусства Рас-Шамры, с одной стороны, и на ряде египетских памятников, с другой, в особенности же на примере впервые публикуемого здесь деревянного сосуда № 3626 из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина.

Факты взаимосвязей ряда древневосточных культур вызвали уже с конца XIX в. и вызывают и по сию пору в европейской буржуазной науке ряд теорий (преимущественно теорию влияния), затемняющих истинное истолкование па-